

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Рѣчь председателя московскаго славянскаго общества о князѣ Черкасскомъ. — Наше странное отношеніе къ мужику. — Военная постановка нашего общества. — Оправданіе г-жи Засуличъ. — Отвѣтъ г. Суворину.

Въ прошедшемъ моемъ обзорѣніи я сказалъ, что надъ свѣжею могилою каждой знаменитости надобно вѣрно держаться извѣстной древней пословицы: *de mortuis aut bene, aut nihil*. На этомъ основаніи мнѣ не слѣдовало бы вовсе говорить о покойномъ князѣ Черкасскомъ, о которомъ хорошаго я ничего не могу сказать, не потому, конечно, чтобы князь Черкасскій не дѣлалъ ничего хорошаго—вѣроятно, онъ дѣлалъ немало и хорошаго—а потому, что я не знаю этого хорошаго въ его дѣятельности. О худомъ я не долженъ бы былъ говорить. И я искренно желалъ бы не говорить. Но какъ умолчать, когда друзья покойнаго именно это худое выставляютъ какъ какую-то доблесть въ князѣ Черкасскомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, бросаютъ грязью въ тѣхъ достойныхъ людей, которые въ свое время сочли своимъ нравственнымъ долгомъ указать князю Черкасскому на это худое и назвать худое худымъ? Въ рѣчи, говореной 5 марта, въ публичномъ засѣданіи московскаго славянскаго благотворительнаго общества, председатель этого общества рассказываетъ, между прочимъ, слѣдующій фактъ изъ жизни князя Черкаскаго.

Когда, въ концѣ 1857 года, Высочайше было разрѣшено образовать въ губерніяхъ комитеты для обсужденія способовъ къ освобожденію крестьянъ или «къ улучшенію ихъ быта», какъ это называлось тогда на официальномъ языкѣ, князь Черкасскій поступилъ въ члены тульского дворянскаго комитета. Вмѣстѣ съ нѣсколькими другими членами комитета, составлявшими меньшинство, онъ настаивалъ на надѣленіи крестьянъ землею, «громя большинство своими блистательными и, правду сказать, нѣсколько извительными рѣчами». Это приводило въ бѣшенство тульское дворянство до того, что оно рѣшилось исключить князя Черкаскаго, какъ недостойнаго, изъ числа тульскихъ дворянъ, и на выборахъ въ тульскомъ губернскомъ собраніи по вопросу объ исключеніи Черкаскаго изъ числа дворянъ два дня шли бурные дебаты, которые, само собою, разумѣется, должны были кончиться ничѣмъ, за не-

нимъніемъ у дворянства ни права, ни основанія для подобнаго исключенія. «Но, продолжаетъ предсѣдатель:—въ то самое время, когда партія крѣпостниковъ пыталась подвергнуть князя Черкаскаго такому ostracismу, противъ него неистово обсновалась—забавно, но и стыдно вспомнить—либеральная, т. е. наша претендующая на либерализмъ журналистика за то, что въ одной изъ своихъ по крестьянскому благоустройству статей въ журналѣ А. И. Кошелева: «*Сельское Благоустройство*» Черкасскій предполагалъ предоставить въ селеніяхъ старшинамъ право наказывать провинившихся крестьянъ, за неимѣніемъ другихъ мѣръ взысканія, нѣсколькими ударами розогъ. Не вѣдая никакихъ условій народной жизни, не принимая никакого участія въ тяжкихъ трудахъ по крѣпостному вопросу, нисколько не соображаясь съ положеніемъ самихъ борцовъ за дѣло крестьянской свободы, только вскарабкавшись на ходули «цивилизациі», наши арлекины либерализма и гуманности, вмѣстѣ съ ругательствами, присылали по почтѣ цѣлые пучки розогъ въ редакцію «Сельскаго Благоустройства»,—о томъ же, какъ рѣшался вопросъ о надѣлѣ, пустоголовымъ крикунамъ не было дѣла. Не удивляйтесь, заключаетъ предсѣдатель:—что я упомянулъ объ этомъ, послѣднемъ ничтожномъ, мелочномъ обстоятельстве: еще недавно, послѣ двадцати лѣтъ, въ нѣкоторыхъ петербургскихъ журналахъ (и самыхъ значительныхъ) возобновленъ покойному дѣятелю тотъ же шутовской упрек!»

Въ этомъ краткомъ извлеченіи, сдѣланномъ мною изъ рѣчи предсѣдателя московскаго славянскаго общества, содержатся четыре обвинительные пункта противъ петербургской журналистики:

1) будто петербургскіе журналисты, порицая прозекъ князя Черкаскаго о сѣченіи крестьянъ, изложенный имъ въ «Сельскомъ Благоустройствѣ», вмѣстѣ съ тѣмъ присылали по почтѣ (!) цѣлые пучки розогъ (!?) въ редакцію: «Сельскаго Благоустройства».

2) будто тѣ же петербургскіе журналисты не просто порицали прозекъ князя Черкаскаго, а съ ругательствами,

3) будто имъ, этимъ петербургскимъ «пустоголовымъ»—по не ругательному, конечно, а самому галантному выраженію предсѣдателя—«крикунамъ не было никакого дѣла до того, какъ рѣшался вопросъ о надѣлѣ, и что они, «эти арлекины либерализма и гуманности»—тоже, конечно, не ругательное выраженіе—могли порицать прозекъ князя Черкаскаго, развѣ только потому, что «не вѣдали никакихъ условій народной жизни, не принимали никакого участія въ тяжкихъ трудахъ по крѣпостному вопросу и нисколько не соображались съ положеніемъ самихъ борцовъ за дѣло крестьянской свободы».

На первый изъ этихъ пунктовъ я ничего не буду отвѣчать. Я буду считать этотъ пунктъ сплетнею или даже клеветою до тѣхъ поръ, пока г. предсѣдатель московскаго славянскаго общества не назоветъ по имени тѣхъ петербургскихъ журналистовъ,

которые будто бы посылали пучки розогъ въ редакцію «Сельское Благоустройство». Изъ всѣхъ журналистовъ того времени, которыхъ я зналъ—а я зналъ очень многихъ—я не думаю, чтобы нашелся хоть одинъ, который былъ бы способенъ настолько самъ совершить подобный дикій поступокъ, но который одобрилъ бы его въ другихъ. Если же въ Петербургѣ находились такіе сумасброды изъ приверженцевъ той или другой журнальной партіи, которые теоретическое разсмотрѣніе вопроса считали нужнымъ комментировать подобными недостойными практическими иллюстраціями, то петербургская журналистика и журналисты тутъ ни причемъ, и ихъ обвинять за это никакъ нельзя. Очень можетъ быть, что было и есть не мало такихъ дворянъ изъ приверженцевъ славянофильскаго ученія, которые, слѣдуя твердо проекту князя Черкасскаго, что мужику 18 розогъ дать иногда очень полезно, держались прежде, держатся и теперь, насколько могутъ, этого правила относительно своихъ барщинныхъ крестьянъ, то вѣдь тутъ ни славянофильское міросозерцаніе вообще, ни князь Черкасскій въ частности рѣшительно ни причемъ.

Относительно второго пункта, будто бы петербургскіе журналисты осыпали ругательствами князя Черкасскаго за проектъ его о сѣченіи, я также сильно сомнѣваюсь. По крайней мѣрѣ, въ «Современникѣ», который суровѣе всѣхъ другихъ журналовъ относился къ любителямъ тѣлесныхъ наказаній, при обзорѣ 8 № «Сельскаго Благоустройства», просто переданы были предположенія, означенныя въ статьѣ князя Черкасскаго о будущемъ сельскомъ управленіи. Относительно предоставленія участковому старостѣ права наказывать крестьянъ за проступки 18-ю ударами розогъ, независимо отъ наказанія, какое можетъ быть имъ присуждено за тотъ же проступокъ (а надобно сказать, что въ проектѣ князя Черкасскаго крестьянскому суду предоставлялось право тѣлеснаго наказанія до 50 ти ударовъ розгами), было слѣдано только слѣдующее замѣчаніе: «мы не понимаемъ необходимости и справедливости предоставлять участковому старостѣ права произвольнаго тѣлеснаго наказанія, тѣмъ болѣе, что въ барщинныхъ имѣніяхъ староста этотъ, по смыслу предположенія князя Черкасскаго, будетъ не что иное, какъ господскій приказчикъ» (потому что выбирается не міромъ, а назначается самимъ помѣщикомъ). Вотъ и все замѣчаніе. Другое предположеніе изъ того же проекта князя Черкасскаго, о предоставленіи помѣщикамъ наказывать своихъ дворовыхъ до 18 ти ударовъ розгами—передано просто, безъ всякаго замѣчанія. Въ апрѣльской книжкѣ «Современника», въ слѣдующемъ 1859 году, Добролюбовъ, въ статьѣ своей: «Литературныя мелочи прошлаго года», перебирая разные вопросы, поднятые въ прошедшемъ году, въ шутивомъ тонѣ рассказываетъ, что былъ поднятъ вопросъ и о розгахъ. Но не объ отбѣивъ розогъ, а о количествѣ ударовъ, какое можетъ давать помѣщикъ своимъ крестьянамъ, что «журналъ землевладѣльцевъ

высказалъ гуманную мысль, что не слѣдуетъ отстаивать 40 ударовъ, а можно спуститься до 20-ти», что «князь Черкасскій поступилъ еще гуманнѣе: онъ спустилъ еще 10% и согласился уменьшить число ударовъ, предоставляемыхъ въ вѣденіе дворянства, до 18-ти». «Но, продолжаетъ Добролюбовъ: — тутъ-то (не знаемъ ужъ почему — потому, должно быть, что въ послѣдовательныхъ уступкахъ увидѣли слабость противниковъ) и востали благородные рыцари, совершенно разбившіе князя Черкаскаго. Кончился тѣмъ, что онъ отказался и отъ 18-ти ударовъ въ пользу дворянства и уступилъ ихъ сельскому управленію. Но тутъ рыцари ободрились еще болѣе и начали пускать грязь въ бѣгущаго съ поля битвы князя Черкаскаго и въ друзей его. Но бѣглецы скрылись, а рыцари оказались перепачканными въ грязи. Затѣмъ все стихло». Можно ли эту шутку назвать ругательствомъ? А если это ругательство, то какъ же назвать такіа выраженія самого г. предсѣдателя московскаго славянскаго общества, какъ: «наши арлекины либерализма и гуманности» «пустоголовые крикуны», и какъ назвать вообще всю ту выдержку, которую мы сдѣлали изъ рѣчи г. предсѣдателя? Я думаю даже: архиругательствомъ назвать будетъ мало. А, впрочемъ, можетъ быть, г. предсѣдатель встрѣчалъ дѣйствительно въ какихъ-нибудь журналахъ ругательства на князя Черкаскаго, не уступающія вышеозначеннымъ его собственнымъ, то ему слѣдовало назвать эти журналы, а не взваливать ихъ вину на всю журналику.

Что касается пункта третьяго, то прежде всего я долженъ замѣтить, что г. предсѣдатель московскаго славянскаго общества напрасно усиливается возвысить заслуги «борцовъ за дѣло крестьянской свободы», т. е. членовъ дворянскихъ комитетовъ насчетъ журналистики. И заслуги *онихъ*, скажемъ мы, очень почтенны, но и заслуги *сей*, если не въ нѣсколько разъ болѣе, то ужъ никакъ не менѣе почтенны. Не будь журналистики, даже самые крѣпкіе изъ борцовъ за дѣло крестьянской свободы, бывшіе всегда въ меньшинствѣ въ дворянскихъ комитетахъ, ничего не сдѣлали бы съ подавлявшимъ ихъ большинствомъ крѣпостниковъ, хотя бы всѣ они — борцы за дѣло крестьянской свободы — одарены были способностью громить своихъ противниковъ рѣчами втрое болѣе блистательными и язвительными, чѣмъ рѣчи князя Черкаскаго. Г. предсѣдатель совершенно несправедливо говоритъ, что «пустоголовые крикуны», т. е. журналисты, нисколько не заботились о томъ, какъ рѣшался вопросъ о крестьянскомъ надѣлѣ. Напротивъ, вопросъ не только о надѣлѣ, но и о непремѣнно достаточномъ надѣлѣ, и если не даровомъ, то возможно облегченномъ въ цѣнѣ, сообразно скуднымъ средствамъ крестьянина — этотъ вопросъ явился въ журналистикѣ немедленно съ появленіемъ вопроса объ освобожденіи крестьянъ, занималъ ее болѣе всѣхъ другихъ вопросовъ, не только до самаго освобожденія, но постоянно поднимался въ журналистикѣ и послѣ освобожденія и жи-

ветъ до сихъ поръ. О чемъ чаще всего говорить и нынѣ журналистика, какъ не о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ, о необходимости ихъ увеличить?—Г. предсѣдатель говорить, что журналисты не принимали никакого участія въ тѣхъ тяжелыхъ трудахъ по крѣпостному вопросу, которые несли члены дворянскихъ комитетовъ. Но вѣдь и члены дворянскихъ комитетовъ не принимали также участія въ трудахъ журналистовъ по крѣпостному праву, которые доставались журналистамъ иногда еще болѣе тяжело, чѣмъ членамъ дворянскихъ комитетовъ ихъ труды. Каждый дѣлалъ то, что долженъ былъ дѣлать, и поступалъ совершенно резонно; потому что при такомъ только раздѣленіи труда и могло успѣшно пойти великое дѣло крестьянскаго освобожденія. Упрекъ журналистикѣ, дѣлаемый г. предсѣдателемъ, въ этомъ случаѣ, по меньшей мѣрѣ, упрекъ странный!

Обращаясь къ вопросу о сѣченіи, я еще могу согласиться, что князь Черкасскій, обсуждавшій этотъ вопросъ во время крѣпостного права, подъ вліяніемъ вообще существовавшего тогда всюду страха, что съ уничтоженіемъ помѣщичьей власти мужикъ выйдетъ изъ всякаго повиновенія и съ нимъ невозможно будетъ справиться, могъ думать, что для острастки мужика нужно оставить розги хотя въ умѣренномъ количествѣ ударовъ на каждый разъ, и потому могъ, по своему, съ этой крѣпостной точки зрѣнія, предоставить въ своемъ проэктѣ участковому старостѣ право тѣлеснаго наказанія крестьянъ до 18-ти ударовъ. Но вѣдь мы находимся въ настоящее время совершенно въ другомъ отношеніи къ вопросу, который затруднял князя Черкаскаго. Сама практика вполне разрѣшила за насъ этотъ вопросъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Всѣ боялись, что съ уничтоженіемъ тѣлесныхъ наказаній по судебнымъ приговорамъ число преступленій увеличится до того, что жить будетъ страшно.—Оно не увеличилось.—Всѣ боялись, что съ уничтоженіемъ наказаній въ арміи дисциплина въ войскахъ падетъ.—Нынѣшняя война доказала, что армія, при новомъ, болѣе человѣчномъ отношеніи къ солдату, стала гораздо лучше, чѣмъ была прежде.—Для насъ теперь очевидно, что не журналистика того времени ошибалась, отрицая необходимость розги, а ошибался князь Черкасскій, когда доказывалъ, что мужика нельзя не пощѣть хоть немножко, иначе съ нимъ, дескать, не справишься. Поэтому очень странно видѣть, что г. предсѣдатель московскаго славянскаго общества и въ настоящее время обвиняетъ журналистику за то, что она отнеслась неодобрительно къ проэктѣ князя Черкаскаго о сѣченіи, проэктъ же князя выставляетъ не какъ ошибку, а какъ мѣру очень похвальную, потому что другихъ мѣръ взысканія, дескать, не имѣлось. Странно; но вѣдь князь Черкасскій писалъ проэктъ, въ которомъ вмѣсто розогъ могъ прійскать другія мѣры. А, впрочемъ, какія же мѣры и могли быть предоставлены участковому старостѣ, который, по справедливому замѣчанію рецензента «Современника», назначался отъ по-

мѣщика для охраненія собственно помѣщичьихъ интересовъ и былъ властію чисто хозяйственною, а не полицейскою? Въ случаѣ проступковъ крестьянъ, онъ могъ имѣть единственное право представлять ихъ на усмотрѣніе крестьянскаго міра или крестьянскаго суда. Въѣтъ эта же единственная мѣра предоставлена въ настоящее время даже полицейскимъ сельскимъ старшинамъ. Или г. предсѣдатель находить, что это и теперь non sufficit, что мужика иногда нельзя не посѣчь...

Вообще нельзя не сказать, что наши отношенія къ мужику, къ черному народу, очень странныя. Въ нашей беллетристикѣ, публицистикѣ, ученыхъ даже сочиненіяхъ о Россіи, этотъ мужикъ, этотъ народъ—обожжаемое существо. Всѣ въ восторгѣ отъ него и всѣ единогласно вторятъ, что это—самое здоровое ядро Россіи, ея несокрушимая сила, залогъ ея великаго будущаго. Недавно, по поводу процесса Засуличъ, «Московскія Вѣдомости» сдѣлали такую оцѣнку мужика и народа нашего въ сравненіи съ нашей интеллигенціей. «Основы нашего народнаго быта, говорятъ они:—непоколебимы и здравы, точно также какъ силы нашего народа неистощимы и могущественны... Гдѣ въ нашей народной жизни выступаютъ ея живыя силы, тамъ совершаются чудеса, тамъ чувствуется благодать Божія. Но какъ только заговорить и начнетъ дѣйствовать наша интеллигенція, мы падаемъ»... Какъ прославлялись сыны народа, находящіеся въ арміи, за все время нынѣшней войны—это извѣстно всѣмъ. Они превознесены до небесъ и нашими, и иностранными корреспондентами. Генералы, совершившіе самыя блистательныя и самыя трудныя военныя дѣла, какъ, на примѣръ, Гурко, открыто заявляли, что они могли совершить все это, только благодаря русскому солдату, что всю нынѣшнюю войну вынесъ солдатъ на своихъ плечахъ.

Казалось бы послѣ всего этого, о чьемъ благосостояніи мы должны были бы болѣе всего заботиться, какъ не о благосостояніи мужика? Кого беречь, кого стараться охранять отъ разныхъ несправедливостей и притѣсненій, какъ не его? А между тѣмъ, когда являются тѣ или другіе самаго возмутительнаго свойства факты, свидѣтельствующіе о плачевномъ, пригнетенномъ положеніи мужика въ экономическомъ ли отношеніи, или въ отношеніи управленія, никто на это не обращаетъ никакого вниманія. Случайныя корреспонденціи, доводяція до общаго свѣденія путемъ печати, по всей вѣроятности, одинъ изъ ста подобныхъ фактовъ, прочитываются какъ не значущія обыкновенныя вещи, не производя никакого впечатлѣнія. Въ сущности, они, если угодно—и дѣйствительно незначущія, обыкновенныя вещи. Потому что всѣмъ извѣстно, что подати и повинности часто далеко превышаютъ доходъ, получаемый мужикомъ не только отъ своего скуднаго надѣла, но вмѣстѣ и отъ заработковъ, что онъ всегда въ недоимкахъ и не можетъ не быть въ недоимкахъ, что, забытый и невѣжественный, онъ или не знаетъ своихъ правъ, или не въ состояніи поль-

зоваться ими, что только лѣнливый изъ его ближайшаго начальства его не эксплуатируетъ или не притѣсняетъ, что, при такомъ его положеніи, само-собою разумѣется, не можетъ не быть тѣхъ прискорбныхъ явленій, о которыхъ время отъ времени извѣщаютъ случайные корреспонденты. Очень многіе, конечно, сочувствуютъ такому положенію мужика, но сочувствіе это остается чисто пассивнымъ; а есть не мало и такихъ, у которыхъ, какъ скоро пойдетъ рѣчь о бѣдности мужика, его недоимкахъ, мужикъ сейчасъ изъ обожаемаго существа превращается въ существо никуда негодное. Мужикъ нашъ, говорится въ такихъ случаяхъ, грубъ, нерадивъ, лѣнивъ, пьяница; онъ самъ виною своихъ бѣдствій, и его иногда нельзя не посѣть.

Это наше странное, двойственное отношеніе къ народу происходитъ оттого, что мы, что бы мы ни говорили о нашемъ быстромъ движеніи впередъ за послѣднее время,—въ массѣ цѣлаго общества, ни на волосъ не подвинулись впередъ противъ того, чѣмъ были до крестьянской реформы. Какъ до реформы мы—одни инстинктивно, другіе ясно сознавали, что наше видное положеніе въ Европѣ основывается ни на чемъ другомъ, какъ на нашей военной силѣ, что добились мы такого положенія ни чѣмъ другимъ, какъ этой же военной силой, на этомъ же сознаніи мы остаемся и теперь. Наша національная гордость и тщеславіе, естественно, должны страдать, какъ только въ Европѣ является сомнѣніе въ нашемъ военномъ могуществѣ или какъ только мы даже подозрѣваемъ, что въ ней можетъ возникнуть такое сомнѣніе. Многочисленныя внутреннія реформы, произведенныя въ нынѣшнее царствованіе, указали намъ другой, болѣе достойный путь, на которомъ мы должны искать удовлетворенія нашей національной гордости и тщеславію. Но пройдетъ много времени, пока эти реформы обратятся въ плоть и кровь нашей жизни; тогда только мы будемъ стараться не урѣзывать этихъ реформъ, какъ онѣ ни умѣренны въ существѣ своемъ, но будемъ стараться возможно расширить ихъ; тогда мы только поймемъ, что намъ надобно стараться опередить Европу на пути мирнаго труда, промышленности и науки, что для національной гордости даже обидно чувствовать и сознавать, что нашъ вѣсъ въ Европѣ основывается единственно на нашей численности и на нашей военной силѣ. Теперь же именно только на нашемъ могуществѣ, на нашей военной силѣ снуется наша національная гордость и тщеславіе; одною этою силою она, и питается. Съ точки зрѣнія этой силы мы оцѣниваемъ все, въ томъ числѣ и нашъ народъ. Онъ дорогъ для насъ, во-первыхъ, какъ матеріалъ, годный для войны, во вторыхъ, какъ тягловая сила, способная, несмотря на свое бѣдственное положеніе, выносить тягости войны! Когда онъ исполняетъ эти двѣ существенныя для насъ свои обязанности, мы имъ довольны, расхваливаемъ его; а затѣмъ, какъ онъ перебивается со дня на день самъ, какъ ухитряется при этомъ исполнять лежащую на немъ непосильную тягу—это насъ не

интересуетъ. Замѣчательно, что и въ настоящую войну тѣ самыя газеты, которыхъ передовыя статьи посвящались исключительно вопросамъ о проливахъ, о необходимости взятія Константинополя, о ковахъ Биконсфильда, о вѣроломствѣ Австріи и т. д. и т. д., а передніе столбцы занимались похвалами корреспондентовъ русскому солдату, на заднихъ своихъ листахъ печатали такіа вопіющія извѣстія о положеніи народа въ разныхъ мѣстахъ, что уже самое вниманіе ихъ къ подвигамъ русскаго солдата и расточаемыя ему ежедневно похвалы должны бы были заставить ихъ, хотя два раза въ недѣлю въ передовыхъ статьяхъ, вмѣсто ковъ Биконсфильда и вѣроломства Австріи, указывать на это положеніе народа съ настоятельнымъ поясненіемъ, что народъ, сыны котораго совершаютъ такіе блестящіе подвиги за Балканами, заслуживаетъ лучшей участи. Но никакія нужды и бѣдствія народа ни на минуту во время войны не могли отвлечь нашего вниманія отъ проливовъ, Константинополя, Биконсфильда и т. д., и т. д.

Но вотъ война кончилась; заключенъ прелиминарный договоръ о мирѣ, который встрѣтилъ протестъ со стороны Англіи и Австріи. Договоръ и названъ былъ прелиминарнымъ, конечно, потому, что предполагалось, что, въ случаѣ несогласія Европы на нѣкоторыя его статьи, онъ можетъ подвергнуться пересмотру и измѣненію. Иного договора и заключить было нельзя, во-первыхъ, въ силу прежнихъ европейскихъ трактатовъ, которыми утверждено было существовавшее территоріальное и политическое устройство Балканскаго Полуострова; а во-вторыхъ — потому что Балканскій Полуостровъ представляетъ такой уголъ въ Европѣ, гдѣ перекрещиваются разнообразныя интересы нѣсколькихъ государствъ, такъ что дать ему другое территоріальное и политическое устройство нельзя, не примиривъ и не уладивъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени, эти разнообразныя интересы. Если война ведется для того, чтобы пріобрѣсти миръ, то миръ заключается уже никакъ не для того, чтобы начать снова войну. А прочный миръ въ данномъ случаѣ никогда невозможенъ безъ согласія съ Европой. Какъ же отнеслась наша газетная пресса къ договору, который само правительство назвало прелиминарнымъ, т. е. неокончательнымъ, подлежащимъ измѣненію? Отнеслась такъ, какъ прилично было отнести прессѣ военнаго государства. Кромѣ «Виржевыхъ Вѣдомостей», кажется, всѣ газеты настаивали на томъ, чтобы изъ прелиминарнаго договора не уступать ни одной іоты. А если Австрія и Англія на это не согласятся, начинать новую войну, идти, идти даже въ Индію; на случай похода въ Индію, г. Пашино даже въ полководцы себя предлагалъ. требуя только, чтобы ему дали милліардъ. Германія вела съ Франціей войну всего нѣсколько мѣсяцевъ, но когда нѣмцы стояли подъ Парижемъ, во всей Германіи являлся уже ропотъ, что война затянулась очень долго, что и страна, и войско страдаютъ отъ такого долговременнаго похода. Мы воюемъ уже болѣе

года и, когда зашелъ вопросъ о томъ: уступить ли намъ что нибудь изъ прелиминарнаго договора или нѣтъ? то ни у кого не явилось мысли о томъ, что нашъ солдатъ истомленъ, что вся страна и народъ бѣдствуютъ. Нѣтъ, мы не уступимъ ни юты изъ нашего прелиминарнаго договора, кричитъ наша пресса, мы будемъ биться, чего бы намъ это ни стоило. Я уже не буду говорить о томъ, что въ тѣхъ ли границахъ останется территория Болгаріи, какія проэктированы прелиминарнымъ договоромъ, или онѣ значительно будутъ меньше; такое ли мы дадимъ устройство Болгаріи, какое предположили въ этомъ договорѣ, или нѣсколько иное—во всемъ этомъ нѣтъ никакихъ для насъ кровныхъ интересовъ, а есть только отдаленные политическіе виды, и притомъ весьма ненадежные, потому что въ будущемъ все, представляющееся намъ теперь въ розовомъ цвѣтѣ, можетъ подъ различными вліяніями совершенно измѣниться и принять окраску прямо непріязненную для насъ. Предположимъ, мы начали войну съ Англіею и Австріею, одержали блистательную побѣду надъ ними и принудили ихъ противъ воли подписать тотъ самый прелиминарный договоръ, который мы теперь составили. — Что-жъ вы думаете, это будетъ прочный, окончательный миръ?—Никогда.—Это будетъ только болѣе или менѣе короткое перемиріе, во время котораго мы будемъ напирать всѣ свои силы опять къ новой войнѣ. Потому что силой, безъ соглашенія съ Европой, нельзя дать ни прочнаго территориальнаго, ни прочнаго политическаго устройства Балканскому Полуострову.

А, впрочемъ, что намъ за дѣло до того, что это повлечетъ за собою величайшія бѣдствія для страны и всего народа, что страна лишится многихъ сотенъ тысячъ рабочихъ рукъ, что народъ истощится до невозможности, что множество пахатныхъ земель превратятся въ пустыри, что и безъ того очень незначительная промышленность вообще, а фабричная въ частности, падетъ на 100, на 200 процентовъ, что нашъ рубль превратится въ гривенникъ и т. д. За то мы побѣдимъ! А наша національная гордость и тщеславіе на томъ, какъ мы уже сказали, и стоять, чтобы показывать наше военное могущество, побѣждать, побѣдами увеличивать территорию, вводить обрусеніе въ приобрѣтенныя области, до внутренняго же управленія, до внутреннихъ дѣлъ, какъ они идутъ—у насъ нѣтъ интереса. Съ самымъ постыднымъ равнодушіемъ, а иногда и прямо съ негодованіемъ, мы, какъ и подобаетъ людямъ военнаго духа, относимся къ нашимъ самымъ лучшимъ учрежденіямъ, хотя бы, напримѣръ, къ суду присяжныхъ, какъ и доказало это оправданіе г-жи Засуличъ.

Оправданіе это въ нѣкоторыхъ кругахъ произвело сильную бурю. И подобная буря по поводу оправдательнаго вердикта—у насъ вовсе не исключительный случай. Напротивъ, почти каждый разъ, когда суду приходится рѣшать какое-нибудь дѣло, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, обыкновенно является много недоволь-

ныхъ, которые начинаютъ кричать, что судъ присяжныхъ нигуда негодится, что его надобно уничтожить. А надобно сказать, что районъ юрисдикціи суда присяжныхъ у насъ еще очень урѣзанъ; изъ его юрисдикціи исключена цѣлая область политическихъ дѣлъ, которая въ другихъ странахъ рѣшаются судомъ присяжныхъ. Что же было бы, еслибы у насъ политическія дѣла были предоставлены суду присяжныхъ?—навѣрное, тогда стоялъ бы постоянный стонъ и скрежетъ зубовъ противъ суда присяжныхъ, и онъ, очень можетъ быть, уже давно былъ бы уничтоженъ. Оно, по правдѣ сказать, судъ присяжныхъ дѣйствительно намъ не ко двору: судъ присяжныхъ не всегда можетъ ладить съ условіями многихъ изъ тѣхъ порядковъ, какіе остались у насъ отъ прежняго времени военной постановки общества и, вѣроятно, долго еще не умрутъ. Судъ присяжныхъ есть судъ по совѣсти; это совѣсть не то, что судъ, довольствующійся для обвиненія одними формальными доказательствами. Передъ послѣднимъ субъектъ не можетъ остаться невиновнымъ, разъ доказано, что субъектъ этотъ совершилъ тотъ или другой фактъ преступленія съ намѣреніемъ. Но судъ присяжныхъ, какъ судъ по совѣсти, на этомъ успокоиться не можетъ. Для него важнѣе всего знать: въ какихъ условіяхъ дѣйствовалъ совершившій преступленіе субъектъ и насколько эти условія имѣли на него вліяніе въ данномъ случаѣ. Разъ совѣсть присяжныхъ удостовѣрится, что, не будь извѣстныхъ условій, тяготѣвшихъ надъ личностью въ томъ или другомъ случаѣ, не было бы и преступленія, она натурально отвергнетъ самый фактъ преступленія, какъ и было въ дѣлѣ г-жи Засуличъ. Этимъ отрицаніемъ самаго факта преступленія, провозглашеніемъ, какъ выражаются «Московскія Вѣдомости» «бывшаго небывшимъ», главнымъ образомъ, и возмущаются всѣ недовольные оправдательнымъ вердиктомъ присяжныхъ относительно Засуличъ и нападаютъ на личность присяжныхъ и даже на ихъ народность, на то, что они — русскіе: дескать, въ европейскомъ государствѣ подобный случай былъ бы невозможенъ. Иностранецъ такъ не сдѣлалъ бы. Можетъ быть, и дѣйствительно не сдѣлалъ бы потому, что онъ живетъ и судитъ въ другихъ условіяхъ, совершенно непохожихъ на наши.

Вообще, искать причины оправдательнаго приговора г-жи Засуличъ не только въ народности, но и въ личности присяжныхъ, весьма странно. Что мы можемъ предположить объ этихъ мирныхъ, надворныхъ, титулярныхъ совѣтникахъ, купцахъ и т. п., судившихъ г-жу Засуличъ? Что они сочувствуютъ той расправѣ Линча, въ которой прибѣгла эта дѣвушка, желаютъ, чтобы эта расправа вошла у насъ въ обычай, или что они—люди не благонамѣренные, которые готовы оправдывать всякое насиліе надъ начальствомъ? Кажется, выборъ въ присяжные засѣдатели у насъ такой тщательный, какой едва ли еще есть гдѣ-нибудь; устраняются отъ званія присяжныхъ не только всѣ состоявшіе и состоящіе подъ судомъ и слѣдствіемъ, но и всѣ тѣ, которые почему-нибудь администра-

тивную властію признаются неудобными для этого. При такой обстановкѣ выборовъ, развѣ можетъ что-нибудь неблагонамѣренное проникнуть въ составъ присяжныхъ? Если признавать неблагонамѣреннымъ тотъ или другой составъ присяжныхъ, то всю Россію надобно признать неблагонамѣренною—ту самую Россію, которая оказываетъ не только безусловное повиновение, но и искреннюю преданность и самоотверженіе во всѣхъ начинаніяхъ правительства, хоть бы въ нынѣшнюю войну.

Очевидно, что причины оправданія г-жи Засуличъ надо искать не въ личности присяжныхъ, а въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ они должны были разсматривать преступленіе, совершенное этой дѣвушкой. Условія же эти, какъ объяснили на судѣ защитникъ г-жи Засуличъ. Александровъ, были таковы:

Передъ присяжными предстала дѣвушка, которая, вслѣдствіе случайнаго знакомства съ Нечаевымъ, была заподозрѣна въ политическомъ преступленіи, была, на 17-мъ году своей жизни, арестована, выдержана въ тюремномъ заключеніи годъ въ Литовскомъ Замѣѣ и годъ въ Петропавловской Крѣпости. Въ эти два года тюремнаго заключенія ее опросили всего два раза и не находя никакого основанія предать ее суду, выпустили—но, черезъ десять дней свободы, снова арестовали, помѣстили въ пересыльную тюрьму и на пятый день содержанія тамъ объявили, что она немедленно отправляется въ городъ Крестцы, подъ надзоръ полиціи! Несмотря на то, что г-жа Засуличъ и сама была убѣждена, и увѣряла тѣхъ, которые ей объявили это, что тутъ должно быть какое-нибудь недоразумѣніе, что она признана ни въ чемъ невиновною, и просила дать знать объ отправленіи ея роднымъ, чтобы разсѣять это недоразумѣніе или, по крайней мѣрѣ, достать теплаго платья на дорогу—у ней не было ничего, кроме платья и легкаго бурнуса—ей отвѣчали, что этого нельзя, и отправили, въ чемъ она была, съ двумя жандармами. Это было въ апрѣлѣ, но было такъ холодно, что, когда оставили желѣзную дорогу и поѣхали въ кибиткѣ, одинъ изъ жандармовъ долженъ былъ снять шинель и укутать «барышню». Со дня отправленія г-жи Засуличъ въ Крестцы началась скитальческая жизнь ея подъ надзоромъ полиціи. Изъ Крестцовъ она была отправлена въ Тверь. Изъ Твери въ Солигаличъ; оттуда въ Харьковъ. Какъ у находящейся подъ надзоромъ полиціи, «у ней, говорить ея защитники:—дѣлали обыски, призывали для разныхъ спросовъ, подвергали иногда задержаніямъ не въ видѣ арестовъ». Въ концѣ 1875 года, т. е. шесть лѣтъ спустя со времени ея перваго ареста, надзоръ за нею былъ нѣсколько облегченъ, именно—ей дано было право отлучаться изъ мѣста жительства; воспользовавшись этимъ, она отправилась въ Петербургъ, потомъ съ дѣтьми сестры своей въ Пензенскую Губернію, гдѣ и жила послѣднее время.

Вотъ въ краткомъ, сухомъ очеркѣ исторія жизни г-жи Засуличъ, переданная ею и ея защитникомъ. Чтобы понять, какое

впечатлѣніе должна была сдѣлать эта исторія на присяжныхъ, мы должны стать на ихъ точку зрѣнія. Всякій отецъ и братъ понимаетъ очень хорошо, что для дѣвушки въ 18-ть и 19-ть лѣтъ просидѣть два года въ тюрьмѣ значитъ не только лучшіе годы своей жизни, вмѣсто удовольствія, провести въ разнообразныхъ лишеніяхъ, физическихъ и моральныхъ страданіяхъ, въ постоянномъ душевномъ угнетеніи, но и иногда потерять всю будущность, убить всю свою жизнь, потому что это—такіе годы, въ которые завязываются отношенія и связи въ обществѣ, опредѣляется и устроивается такъ или иначе вся ея будущность. Даже и по суду за доказанную вину, такое наказаніе для дѣвушки этихъ лѣтъ, два года тюрьмы, было бы наказаніемъ тяжкимъ, очень тяжкимъ. Затѣмъ высылка изъ мѣста жительства, удаленіе отъ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, разрывъ всѣхъ связей, скитальчество по незнакомымъ людямъ, съ ярлымъ поднадзоромъ—развѣ все это не продолженіе того, что начато двухгодичнымъ содержаніемъ въ тюрьмѣ? Развѣ это не разбитая навсегда жизнь, не потерянное навсегда счастье?

Вотъ точка зрѣнія, съ которой долженъ былъ смотрѣть на г-жу Засуличъ каждый присяжный, въ особенности каждый изъ нихъ, кто былъ отцемъ и братомъ, и каждый изъ нихъ долженъ былъ понимать и чувствовать, что въ женщинѣ, прошедшей такъ свою молодость, какъ г-жа Засуличъ, весьма естественно могло зародиться желаніе отдать остатокъ своихъ молодыхъ силъ на то, чтобы собственною своею гибелью вывести наружу, довести до общаго свѣдѣнія всю ненормальность того порядка, отъ котораго разбивается жизнь, уничтожается будущность людей, иногда, можетъ быть, ни въ чемъ неповинныхъ.

Случай съ Боголюбовымъ, даже въ нашей жизни, даже при тѣхъ порядкахъ, отъ которыхъ пострадала сама г-жа Засуличъ, былъ явленіемъ такимъ экстраординарнымъ, что, еслибъ означенное желаніе въ ней было только неопредѣленнымъ, болѣе мечтательнымъ, чѣмъ серьезнымъ, то этотъ случай долженъ былъ превратить его въ намѣреніе рѣшительное, твердое, безповоротное. Я не буду рассказывать здѣсь подробности сѣненія Боголюбова, подробности возмутительныя во всѣхъ отношеніяхъ—всѣ, кто читалъ рѣчь Александра, знаютъ ихъ. Я замѣчу только одно, что этотъ случай остался не только безъ преслѣдованія правосудіемъ, какъ не бывшій, но объ немъ не рѣшилась ясно высказаться ни одна газета. Только двѣ газеты глухо извѣстили о немъ.

Не должны ли были изъ всего этого присяжные ясно понять и почувствовать, что, при нашихъ условіяхъ, человѣкъ пострадавшій, сознающій себя совершенно невиннымъ, иногда не имѣетъ вовсе никакой возможности высказать свою жалобу и найти удовлетвореніе?

Вотъ гдѣ истинная причина оправданія г-жи Засуличъ! Оправданіе г-жи Засуличъ было въ сущности не отрицаніемъ совершен-

наго ею преступленія, а отрицаніемъ ея виновности въ преступленіи, въ которое она была, можно сказать, втолкнута тяготѣвшимъ надъ ней многіе годы злымъ рокомъ. До процесса никто не думалъ, что ее оправдаютъ — мало того: я думаю, каждый готовъ бы былъ держать пари, что она будетъ осуждена. Потому что никто не могъ одобрить ужасной расправы à la Линчъ надъ градоначальникомъ, и въ мотивахъ преступленія предполагалось дѣйствіе личныхъ страстей и недоразумѣніе. «Всѣ думали, говорятъ совершенно справедливо «Виржевыя Вѣдомости»:— что осужденный въ каторжную работу Боголюбовъ нанесъ тяжкое оскорбленіе градоначальнику, былъ за то наказанъ розгами, и, въ отмщеніе за это, молодая женщина, состоявшая будто бы съ нимъ въ интимныхъ отношеніяхъ и запутанная въ нечаевскомъ дѣлѣ, встрѣлила въ градоначальника». Лжившаяся на засѣданіе суда публика, была, поэтому, противъ Засуличъ. Но «когда на слѣдствіи раскрылось съ очевидностью, что низкого оскорбленія Боголюбовъ градоначальнику не наносилъ, Засуличъ Боголюбова никогда въ глаза не видала, никакого участія въ дѣлѣ нечаевскомъ не принимала, когда Засуличъ сообщила свои біографическія подробности, очевидцы рассказали, какъ происходило наказаніе Боголюбова, когда, наконецъ, защитникъ г-жи Засуличъ сопоставилъ факты, освѣтилъ ихъ надлежащимъ свѣтомъ, сдѣлалъ изъ нихъ выводы и заключенія, въ залѣ суда не оставалось уже ничего, что не было бы на сторонѣ подсудимой, не было глазъ, не увлажненныхъ слезою, не было иного желанія, кромѣ того, чтобы подсудимая была оправдана». «Кто бы ни былъ, заключаютъ «Виржевыя Вѣдомости», (№ 94): — на мѣстѣ присяжныхъ засѣдателей въ ту минуту, приговоръ присяжныхъ непременно долженъ былъ быть оправдательный, и еслибъ даже всѣ присяжные засѣдатели состояли изъ сотрудниковъ «Московскихъ Вѣдомостей», разумѣется, безъ ихъ патрона, то и они бы даже вынесли оправдательный приговоръ».

Все это совершенно вѣрно. Послѣ этого можно только удивляться тому, что нападаютъ на присяжныхъ за ихъ оправдательный приговоръ, когда этотъ приговоръ былъ встрѣченъ общимъ восторгомъ и рукоплесканіями всей присутствовавшей на судѣ публики, которой билеты раздавались по разсмотрѣнію г. председателя окружного суда и среди которой были даже министры и другіе высокопоставленные государственные люди. Значитъ, приговоръ присяжныхъ былъ сочувственъ публикѣ; значитъ, она сама постановила бы такой же приговоръ. Правда, «Московскія Вѣдомости» это сочувствіе присутствовавшихъ на судѣ оправданію г-жи Засуличъ называютъ скандаломъ «избранной публики»; но на то они и «Московскія Вѣдомости», чтобы притаптывать или марать грязью всякое свободное и честное движеніе...

Теперь я обращусь къ собесѣдованію съ г. Суворинымъ, который очень обидѣлся тѣмъ, что я назвалъ исповѣдь Некрасова,
Т. ССXXXVII.— Отд. II.

переданную въ его редакціи, возмутительной, а теорію. сочиненную имъ для оправданія Некрасова, гнусной, проповѣдуемой въ растлѣніе русскаго юношества. Г. Суворинъ посвятилъ цѣлый фельетонъ якобы опроверженію того, что я говорилъ, но въ которомъ я никакого опроверженія моихъ доводовъ не вижу, а вижу только желаніе г. Суворина выгородиться, а, главное, «наговорить—выражаясь его словами — разныхъ неприємностей по моему адресу».

«Начать съ того, говоритъ г. Суворинъ:—что г. Елисеевъ самъ сочинилъ какую-то «гнусную теорію», которую я будто бы проповѣдывалъ, и приписалъ мнѣ то, чего я никогда не говорилъ и говорить не могъ».

Нѣтъ, г. Суворинъ, не я сочинилъ ту гнусную теорію, которую я вамъ приписываю, а ее сочинили именно вы, а если вы теперь отъ нея отказываетесь, то отказываетесь потому, что или не хотите вникнуть въ смыслъ вашихъ словъ, или не желаете вовсе разъяснять его; вамъ пріятнѣе было бы, чтобы дѣло осталось въ туманѣ и «гнусная теорія» была приписана моему недоразумѣнію, или даже моему, какъ вы выражаетесь, желанію «наговорять разныхъ неприємностей по вашему адресу». Для возстановленія истины, я долженъ снова обратиться къ тѣмъ недѣльнымъ «Очеркамъ и картинкамъ», изъ которыхъ взята мною приписываемая вами Некрасову фраза о «владимірѣхъ».

Возьму мѣсто о картежной игрѣ Некрасова. По этому предмету г. Суворинъ держится того мнѣнія, что Некрасовъ нажилъ состояніе не литературною дѣятельностью, а картами. Въ отвѣтъ мнѣ онъ прямо говоритъ, что Некрасовъ за свои стихи во всю жизнь получилъ всего 40,000 рублей, «Современникъ» до 1860 или 1858 года далъ до 70,000 долгу, что «денежную независимость дала ему (Некрасову) какъ извѣстно, не литература»¹. Теперь послушаемъ, какъ г. Суворинъ оправдываетъ Некрасова:

«Большой практикъ онъ былъ», говорятъ о немъ, «и стихи иногда хорошіе писалъ, и въ карты игралъ отлично. У него все это вмѣстѣ». (Передаю это, прибавляетъ г. Суворинъ:—въ болѣе мягкой формѣ, чѣмъ говорятъ о немъ иногда). Какъ это просто въ самомъ дѣлѣ и какъ легко бросить камнемъ въ человѣка! Но, если

¹ Въ духовномъ завѣщаніи Некрасова, составленномъ 13-го января 1876 года, т. е. почти за годъ до смерти Некрасова, между прочимъ, значится: «капитала въ денежныхъ бумагахъ онъ, завѣщатель, вовсе не имѣетъ». Послѣ смерти Некрасова не оказалось никакихъ денегъ. Выигрывалъ ли Некрасовъ большія суммы денегъ и на нихъ ли основывалась его независимость—это остается вопросомъ. Литературные доходы Некрасова очень уменьшены г. Сувориннымъ. Цифра 40,000, приводимая г. Сувориннымъ, по всей вѣроятности, обозначает не рубль, а изданіе вземлемыя сочиненія Некрасова, что дастъ совсѣмъ другую сумму рублей. Но, кромѣ своихъ сочиненій, Некрасовъ имѣлъ постоянный доходъ, какъ издатель и редакторъ журналовъ, также отъ изданія чужихъ сочиненій, такъ что несомнѣнно, что главный фондъ его жизненныхъ средствъ составляла всегда литература.

вы вспомните, что онъ не кланялся, не просилъ, не замскивалъ что онъ хотѣлъ только независимости и жилъ исключительно своими силами, что онъ готовъ былъ скорее чортъ знаетъ надъ чѣмъ трудиться, чѣмъ одолжаться даже отцомъ своимъ и просить у него помощи, если вы вспомните, какъ и что цѣнило тогда общество, какъ трудно было пролѣзть впередъ на литературномъ поприщѣ, не одолавши «покорнѣйшимъ», «преданнымъ» слугой, холопомъ, изъ котораго выжмутъ весь сокъ и бросить окольвать на чердакъ, или на мостовой, или въ больницу, подвергая всѣмъ униженіямъ его истлѣвшую, изстрадавшуюся душу, заставляя ее терпѣть незаслуженныя муки и биться въ безсильной ярости до послѣдняго издыханія, если все это вы представите себѣ—вы поймете, что долженъ былъ чувствовать умный и даровитый человѣкъ, чувствовавшій силу для борьбы».

Все это, г. Суворинъ, очень трогательно и даже жалобно, но суть-то вашего оправданія заключается все-таки въ томъ, что, такъ какъ Некрасовъ искалъ независимости, не хотѣлъ никому кланяться, а независимость на литературномъ поприщѣ приобрести тогда было трудно, то ему и позволительно было добывать себѣ независимость картежной игрой. И мало того, что было позволительно, а это ставило его, по вашимъ словамъ, гораздо выше тѣхъ, «большую частію, ординарныхъ, посредственныхъ, безъ ума и таланта идеалистовъ, которые возмущались этимъ, давая понять, что они идеальнѣе смотреть на жизнь, что они отдаются честнѣе ей», хотя сами «они сплошь и рядомъ совершали маленькія подлости». Но вѣдь нѣтъ человѣка, который бы не желалъ независимости и не искалъ независимости; самаго пришибленнаго человѣка кланяться заставляетъ только горькая нужда. Не въ правѣ ли всѣ эти жаждущіе независимости думать, что, если Некрасову жажда независимости давала право, презирая рутинныя требованія морали, добывать себѣ состояніе картежной игрой, то тѣмъ же путемъ имѣютъ полное право идти и они, и не однимъ этимъ только путемъ: если позволительно добывать себѣ независимость картами, то почему бы было не позволительно добывать ее и другими способами, такъ на примѣръ, какъ добываютъ ее Струсберги, Бритневы, Юханцовы и т. п. Всѣ эти мысли совершенно послѣдовательны и логичны съ той точки зрѣнія, которую вы, г. Суворинъ, стараетесь оправдать Некрасова. Не ясно ли теперь, что ваше оправданіе Некрасова есть вмѣстѣ и оправданіе всякаго рода такихъ дѣлъ, въ концѣ которыхъ можетъ стоять и «владимірка». Вы можете сказать, что то, что вы оправдываете въ Некрасовѣ-человѣкѣ—сильнаго ума и таланта, вы не оправдали бы въ другихъ, кто не имѣетъ ни такого сильнаго ума, ни таланта, по пословицѣ: «quod licet Jovi, non licet bovi». Но вѣдь всякому человѣку свойственно заблуждаться относительно своихъ достоинствъ и оцѣнивать ихъ выше стоимости. Возьмемъ къ примѣру хотя васъ, г. Суворинъ. Я не знаю, какъ вы думаете о своихъ талантахъ, но относительно ума... я вижу, что вы считаете себя человѣкомъ

большого ума. Вашъ отвѣтъ мнѣ, усыпанъ выраженіями въ родѣ слѣдующихъ: «это глупо», «это навѣрно не придетъ въ голову ни одному сколько-нибудь умному человеку». Вы даже разъ употребляете такой оборотъ: «не говоря уже о томъ, что я ничего, даже намекомъ не говорилъ о томъ, что Некрасовъ пѣлъ о народѣ потому, что это было выгодно, я не могъ даже и помыслить объ этомъ, ибо *это ужъ слишкомъ глупо было бы*». Вы, конечно, г. Суворинъ, никакъ не ожидаете, что есть очень много людей, которые имѣютъ нѣсколько инныя представленія о нашемъ умѣ, чѣмъ вы сами и которые могутъ сказать вамъ: «позвольте, г. Суворинъ! да въ нашемъ *ибо* мы вовсе не видимъ такого препятствія, котораго не могъ бы перешагнуть вашъ откровенный умъ». Точно такое же преувеличенное понятіе о своихъ достоинствахъ, какое имѣете, г. Суворинъ, вы, можете имѣть и другіе. Они могутъ думать, что у нихъ и умъ очень сильный, и талантъ не ниже Некрасовскаго, хотя и въ другомъ родѣ, и потому считать себя въ правѣ, на основаніи вашего оправданія, презирать требованія рутинной морали, какъ обязательныя только «для людей ординарныхъ, посредственныхъ, безъ ума и таланта», и идти къ приобрѣтенію независимости дорогою широкою, которою прилично идти сильнымъ умамъ и талантамъ. Примѣръ оправдываемаго Струсберга, Бритнева и т. п., конечно, никого не смутитъ; но примѣръ оправдываемаго Некрасова совсѣмъ другое дѣло. Человѣкъ сильного ума и таланта, печальный народнаго горя, благодаря своей практической сметѣ и русской житейской философіи, прозрѣлъ всю гниль тѣхъ моральныхъ бредней, которыми отуманиваютъ и свой собственный смыслъ и смыслъ другихъ рутинные идеалисты—«люди, ординарные, посредственные, безъ ума и таланта, притомъ, сплошь и рядомъ совершающіе маленькія подлости», и разрушивъ эту гниль смѣло пошелъ къ независимости другою дорогою, не стѣсняемою требованіями морали—вотъ, г. Суворинъ, картина, которую вы рисуете, и которая можетъ легко повліять на многихъ птенцовъ развращающимъ образомъ... Если вы, г. Суворинъ, дѣйствовали добросовѣстно, если ваша статья была написана подъ вліяніемъ сильного чувства къ покойному, безъ надлежащей оцѣнки того, что вы говорите, то я надѣюсь, что прочитавъ ее внимательно послѣ сдѣланныхъ мною разъясненій еще разъ, вы убѣдитесь, что она оставляетъ именно то впечатлѣніе, которое я передаю (и не я одинъ, а очень многіе), и согласитесь, что я имѣлъ полное право говорить о «гнусной теоріи», проповѣдуемой вами въ растлѣніе неопытнаго русскаго юношества.

Далѣе въ своемъ отвѣтѣ, г. Суворинъ усиливается доказать, что еслибы Некрасовъ не имѣлъ дѣйствительно никакой другой пѣли въ своей дѣятельности, кромѣ наживы и пѣлъ такъ, а не иначе только потому, что это было ему выгодно, то это не можетъ имѣть ровно никакого отношенія къ значенію его дѣятельности. «Напрасно г. Елисеєвъ, такъ разсуждаетъ г. Суворинъ:—

такъ мелко понимаетъ поэзію Некрасова, говоря, что исповѣдь Некрасова, мною переданная, «разомъ уничтожаетъ все значеніе дѣятельности Некрасова. Въ самомъ дѣлѣ, если Некрасовъ не имѣлъ никакой другой цѣли въ своей дѣятельности, кромѣ наживы, то всѣ его стоны и рыданія о страждущихъ братьяхъ—одна пустая комедія. Это не болѣе, какъ только выгодное средство для наживы. Еслибы было выгоднѣе пѣть во славу сытыхъ и угнетающихъ, то Некрасовъ сталъ бы пѣть пѣсни, совсѣмъ иного рода». Во всемъ этомъ, по мнѣнію г. Суворина, глубочайшее непониманіе поэзіи Некрасова. Допустимъ, говорить онъ:—не о Некрасовѣ, а вообще о какомъ-нибудь поэтѣ, такое предположеніе, что «поэтъ, имѣя въ виду наживу со стиховъ, какъ это ни глупо, рѣшается писать цѣлую жизнь въ извѣстномъ направленіи. Мы это узнаемъ только послѣ его смерти, на основаніи достовѣрнаго документа, его собственноручной записки, на которой сказано: «я пѣлъ о народѣ, потому что это было выгодно»; а вотъ что! восклицаютъ всѣ гражданствующіе писатели: это была комедія, стало быть, дѣятельность поэта не имѣетъ никакого значенія и мы, бѣя себя въ грудь за свое легкомысліе и легковѣріе, отнынѣ отрекаемся отъ всѣхъ стиховъ Некрасова. Неужели бы правы были всѣ эти господа, неужели сила, блескъ, вдохновеніе, бичъ сатиры, стоны и слезы, которые казались намъ искренними, которые такъ насъ увлекали, дѣлали насъ лучшими, заставляли сочувствовать горю, бѣдности—неужели все это разомъ исчезнетъ и перестанетъ имѣть всякое значеніе, какъ скоро узнали мы, что поэтъ все это сочинялъ изъ выгоды. Но вѣдь дѣло имѣ сдѣлано; сила негодованія, выраженная въ словѣ, остается силой негодованія, стоны и слезы, выраженные размышленными строчками, остаются стономъ и слезами. Или все это пропадаетъ и мы начинаемъ кричать: «онъ притворялся и говорилъ глупости и пошлости, онъ былъ практикъ и все то, что казалось намъ искреннимъ, глубокимъ, правдивымъ, страстнымъ, терзающимъ душу, все это фальшиво, мелко, ложно, бездушно, основано на разсчетѣ. Читайте г. Пигаева, читайте г. Фарафонтеева—они искренны и правдивы, потому что къ наживѣ не стремились и братались съ народомъ за штофомъ водки и спали въ избахъ между телятами и свиньями».

Изъ всѣхъ этихъ разсужденій г. Суворина очевидно, что мы съ нимъ ведемъ рѣчь о предметахъ совершенно разныхъ. Когда я говорилъ, что исповѣдь Некрасова, переданною г. Суворинимъ, разомъ уничтожается все значеніе дѣятельности Некрасова, то разумѣлъ подъ этимъ значеніе дѣятельности моральное—иначе говоря, я хотѣлъ сказать, что этою исповѣдью Некрасовъ разомъ изъ человѣка нравственнаго превращается въ безнравственнаго, со степени поэта возводится на степень комедіанта. Г. же Суворинъ дѣлаетъ видъ, что онъ понималъ мою мысль такимъ образомъ, что исповѣдь Некрасова уничтожается

весь результат дѣятельности Некрасова и противъ этого полемизируетъ.

Я говорю дѣлаетъ видъ, потому что иначе этого любопытнаго *qui pro quo* объяснить невозможно. Мысль моя была выражена слишкомъ ясно и надобно усиливаться, чтобы дать какой нибудь другой смыслъ, а не тотъ, который она содержитъ. Кромѣ того, въ поясненіе моей мысли я привелъ выдержку изъ дневника г. Достоевскаго о Некрасовѣ, гдѣ даже прямо ставится вопросъ: былъ ли Некрасовъ только великій искусникъ или искренній поэтъ, такъ что въ связи съ этою выдержкою не могло оставаться никакого сомнѣнія въ томъ, что, говоря объ уничтоженіи значенія дѣятельности, я разумѣю никакъ не уничтоженіе результатовъ этой дѣятельности. Тѣмъ не менѣе, г. Суворинъ счелъ болѣе удобнымъ для себя понять мою мысль въ послѣднемъ смыслѣ. Почему?

На этомъ я считаю нужнымъ нѣсколько остановиться и для лучшаго уясненія вышеприведенныхъ разсужденій Суворина, и потому, что это суворинское *qui pro quo* представляетъ замѣчательный образецъ того, съ какою добросовѣстностію ведется иногда у насъ полемика.

Въ прошедшемъ моемъ обзорѣниі я сказалъ, что исповѣдь Некрасова, переданная въ редакціи г. Суворина, кромѣ родныхъ, возмутила и почитателей Некрасова, и едва ли не болѣе всѣхъ возмущился ею г. Достоевскій, повидимому, очень искренно привязанный къ Некрасову. По крайней мѣрѣ, статья его о Некрасовѣ написана подъ самымъ непріятнымъ впечатлѣніемъ отъ толковъ вообще газетъ о покойномъ, преимущественно же отъ статьи г. Суворина; противъ нея, главнымъ образомъ, направляетъ свои удары г. Достоевскій въ нѣсколькихъ мѣстахъ и для опроверженія суворинскихъ оправданій Некрасова создаетъ ту собственную теорію оправданія Некрасова, о которой я уже говорилъ въ прошлый разъ. Возмущился г. Достоевскій въ газетахъ тѣмъ, что *все* газеты, по смерти Некрасова, «начиная опредѣлять его значеніе, тотчасъ прибавляли нѣкоторыя соображенія о «практичности» Некрасова, о какихъ-то недостаткахъ его, порокахъ даже» и т. д. «Формулировать обвиненій никто не хотѣлъ, а съ оправданіями и оговорками спѣшили всѣ, какъ будто бы и не могли избѣжать этого, хотя бы, можетъ быть, и хотѣли». Это странное поведеніе газетъ г. Достоевскій объясняетъ тѣмъ, что, «заговоривъ о Некрасовѣ, какъ поэтѣ, никакъ нельзя миновать говорить о немъ, какъ и о лицѣ, потому что въ Некрасовѣ поэтъ и гражданинъ до того связаны, до того оба необъяснимы одинъ безъ другого, и до того взятые вмѣстѣ объясняютъ другъ друга, что, заговоривъ о немъ, какъ о поэтѣ, вы даже невольно переходите къ гражданину и чувствуете, что какъ бы принуждены и должны это сдѣлать и избѣжать не можете. Но что же, продолжаетъ г. Достоевскій, мы можемъ сказать и что мы видимъ? Произносится слово «практичность», т. е.

умѣнье обдѣлывать свои дѣла, но и только, а затѣмъ спѣшать съ оправданіями, «онъ-де страдалъ, онъ съ дѣтства былъ заѣденъ средой», онъ вытерпѣлъ еще юношей въ Петербургѣ, безпріютнымъ, брошеннымъ, много горя, а слѣдовательно и сдѣлался «практичнымъ» (т. е. какъ будто и не могъ ужъ не сдѣлаться). Другіе ндуть даже дальше, намекаютъ, что безъ этой-то вѣды «практичности» Некрасовъ, пожалуй, и не совершилъ бы столь явно полезныхъ дѣлъ на общую пользу, напримѣръ, не совладалъ бы съ изданіемъ журнала и проч. и проч. Что же? для хорошихъ цѣлей оправдывать, стало быть, дурныя средства?.. Конечно, все это говорится, чтобы извинить, но мнѣ кажется, Некрасовъ не нуждается въ такомъ извиненіи. Въ извиненіяхъ на подобную тѣму всегда заключается какъ бы нѣчто принизительное и какъ бы затемняется и умаляется образъ извиняемаго чуть не до пошлыхъ размѣровъ. Въ самомъ дѣлѣ, чуть я начну извинять «двойственность и практичность» лица, то тѣмъ какъ бы и настаиваю, что эта двойственность даже естественна при извѣстныхъ обстоятельствахъ, чуть не необходима. А если такъ, совершенно приходится примириться съ образомъ человѣка, который сегодня бьется о плиты родного храма, кается, кричитъ: «я упалъ, я упалъ». И это въ бессмертной красоте стихахъ, которые онъ въ ту же ночь запишетъ, а на завтра, чуть пройдетъ ночь и обсохнутъ слезы, и опять примется за «практичность», потому что-де она мимо всего другого и необходима. Да что же тогда будутъ означать эти стоны и крики, облекшіеся въ стихи? Искусство для искусства не болѣе, и даже въ самомъ пошломъ его значеніи, потому что эти стихи онъ самъ похваливаетъ, самъ на нихъ любитъ, ими совершенно доволенъ, ихъ почитываетъ, на нихъ рассчитываетъ: придадутъ, дескать, блескъ изданію, взволнуютъ молодые сердца. Нѣтъ, если все это оправдывать, да не разъяснивъ, то мы рискуемъ впасть въ большую ошибку и порожаемъ недоумѣніе, и на вопросъ: «кого вы хороните?» мы, провожавшіе гробъ его принуждены были бы отвѣтить, что хоронимъ самаго яркаго представителя искусства для искусства, какой только можетъ быть».

Этимъ своимъ разсужденіемъ о несовѣстимости той «практичности», которую оправдывалъ г. Суворинъ, въ Некрасовѣ, съ поэзіей и о томъ, что всякое извиненіе подобной практичности заключаетъ въ себѣ нѣчто принизительное для извиняемаго и умаляетъ образъ извиняемаго чуть не до пошлыхъ размѣровъ, г. Достоевскій, такъ сказать, припираетъ г. Суворина къ стѣнѣ. Отвѣчай, дескать, прямо, что такое былъ Некрасовъ: поэтъ-гражданинъ или стихослагатель-комедіантъ, самый яркій представитель искусства для искусства? Что могъ отвѣчать на этотъ вопросъ г. Суворинъ (а этотъ именно вопросъ поставленъ былъ и мною, когда я говорилъ объ уничтоженіи исповѣдью Некрасова значенія его дѣятельности, при чемъ, какъ я уже сказалъ, и заключеніе сдѣланной мною сейчасъ выдержки изъ статьи г. Достоевскаго была приведено дословно)?

Ему отвѣчать было нечего: сказать, что Некрасовъ былъ поэтъ-гражданинъ онъ не могъ, потому что въ своей статьѣ наговорилъ уже съ три короба разныхъ прелестей о практичности Некрасова, и оправданій этой практичности изъ русской жизненной философіи. Сказать, что Некрасовъ былъ яркій представитель искусства для искусства, комедіантъ—у него языкъ не поворачивался. Г. Суворину надобно было найти какой-нибудь выходъ изъ этого неудобнаго положенія и онъ нашелъ слѣдующій. Мы на мои слова, что разъ мы допустимъ согласно съ переданною г. Сувориннымъ исповѣдью Некрасова, что Некрасовъ не имѣлъ никакой другой цѣли въ своей дѣятельности, кромѣ наживы, мы должны будемъ допустить и то, что еслибы выгодноѣ было пѣть во славу сытыхъ и угнетающихъ, то Некрасовъ пѣлъ бы пѣсни совсѣмъ иного рода,—г. Суворинъ отвѣчаетъ, какъ обыкновенно отвѣчаетъ «Новое Время», за неимѣніемъ пороку, нахальствомъ и пошlostію: «Такія, дескать, предположенія напоминаютъ собою знаменитую чепуху: «еслибы да кабы, да во рту росли грибы», заканчивается же это нахальство и пошлость, также по обычаю «Нов. Врем.», обращеніемъ къ тещѣ (но о этомъ рѣчь будетъ ниже), затѣмъ дѣлая видъ, что вопросъ о томъ: кто былъ Некрасовъ поэтъ, гражданинъ или яркій представитель искусства для искусства, какъ будто ему и не было предлагаемо, начинается прямо доказывать, что еслибы Некрасовъ пѣлъ и для наживы, то результатъ его поэтической дѣятельности не можетъ быть уничтоженъ, хотя этого вопроса я вовсе не касался, да не было и нужды его касаться. Не было нужды касаться потому, что всякій понимаетъ, что какія бы открытія по этому предмету изъ интимныхъ бесѣдъ своихъ съ Некрасовымъ г. Суворинъ ни передавалъ, имъ никто не дастъ вѣры: будутъ говорить, что или г. Суворинъ передаетъ не такъ, какъ ему было сказано, или что Некрасовъ обронилъ слова необдуманно, а, быть можетъ, и приспособительно ad hominem для цѣлей, которыхъ, конечно, никто знать не можетъ. Даже и предполагаемая г. Сувориннымъ собственноручная росписка поэта въ томъ, что онъ пѣлъ свои пѣсни исключительно для наживы, никого бы не разувѣрила въ искренности его пѣсень. Объяснили бы ее болѣзненнымъ состояніемъ поэта. Что же, однакожь, это можетъ доказывать, кромѣ того, что вѣра въ искренность и честность поэта сильно утвердилась при его жизни, и утвердилась не внутреннею лишь силою и искренностію его твореній, но и тѣмъ, что поэтъ всю жизнь свою не только не колебалъ этой вѣры, а, напротивъ, старался всѣми силами утвердить ее и усилить—потому не сомнѣваются въ искренности и честности не только тѣхъ его стихотвореній, которыя своею внутреннею силою и искренностію доказываютъ это, но и стихотвореній, такъ называемыхъ дѣланныхъ, ходульныхъ, потому что убѣждены, что хотя сила вдохновенія здѣсь и измѣнилась ему, но его мысль и симпатіи одинаково искренни и честны, какъ и въ его лучшихъ стихотвореніяхъ.

Представимъ себѣ, однако, другой случай. Предположимъ, что кто-нибудь въ самомъ дѣлѣ имѣлъ бы такую волшебную силу, что могъ бы съ корнемъ вырвать у почитателей и читателей Некрасова всякую вѣру въ честность и искренность поэта, убѣдить ихъ, что поэзія Некрасова была не болѣе, какъ шутство, что поэтъ цинически издѣвался надъ тѣмъ, что онъ пишетъ и надъ легковѣріемъ публики, какъ вы думаете, г. Суворинъ, не швырнулъ бы стихотвореній Некрасова каждый изъ тѣхъ почитателей и читателей, который искалъ въ этихъ стихотвореніяхъ не забавы и развлечения, а смотрѣлъ на нихъ какъ на свое знамя, какъ на лучшее выраженіе идей и стремленій лучшей части общества, сдѣланное человѣкомъ, котораго онъ считалъ нѣкоторымъ образомъ вождемъ этого общества? Я думаю, непременно швырнуть бы. Для такого читателя и почитателя никакъ не все равно: былъ ли Некрасовъ поэтъ искренно сочувствовавшій тому, что онъ пѣлъ, или онъ былъ только комедіантъ, шутъ, шарлатанъ, сдѣлавшій изъ поэзіи аферу. Есть разница между отношеніемъ интеллигентной публики къ поэту-гражданину и къ поэту чисто-художественнаго пошиба. Въ первомъ она видитъ не поэта только, но нѣкоторымъ образомъ вождя своего, передового человѣка. Она не можетъ изолировать здѣсь произведеній поэта отъ лица. Они сливаются для нея въ одно неразрывное цѣлое; произведенія поэта понимаются ею какъ выраженіе его души, того, къ чему онъ привязанъ всѣмъ своимъ существомъ, что составляетъ смыслъ его внутренней жизни. Поэтому и неособенно значительное въ художественномъ отношеніи произведеніе въ его устахъ получаетъ для нея такую силу, какой въ устахъ другого не можетъ имѣть въ десятеро художественнѣйшее произведеніе, одинаковое по содержанію. У Некрасова есть, на примѣръ, слабая поэма подъ названіемъ: «Несчастные» и, однакожъ, и эта слабая поэма многими цѣнится очень высоко и читается съ восторгомъ. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы было открыто самое пренаихудожественнѣйшее произведеніе такого содержанія, написанное, на примѣръ, Шенковскимъ, Арачевымъ и т. д., то оно провалилось бы самымъ позорнымъ образомъ. Никакая «сила, ни блескъ вдохновенія, ни бичъ сатиры, ни стоны, ни слезы» и т. д. ничто бы его не спасло; оно возбудило бы только смѣхъ въ однихъ и негодованіе въ другихъ. Все это показываетъ, что и для прочности результатовъ поэтической дѣятельности, вѣра въ честность и искренность поэта необходима.

«Что мнѣ за дѣло, пишетъ г. Суворинъ:—чѣмъ внушена поэту пѣснь о бѣдности? Можетъ быть, онъ излагалъ ее съ такимъ чувствомъ подъ вліяніемъ большого проигрыша въ карты; можетъ быть, не гражданскія слезы текли изъ его глазъ, когда онъ вызывалъ у меня гражданскія чувства, а слезы ревности къ измѣнницѣ женщинѣ. Мнѣ это все равно: дѣятельность его не исчезла, его собственноручное признаніе (что онъ былъ комедіан-

томъ и шарлатаномъ) только матеріалъ для сужденія о немъ, какъ о человѣкѣ, только психологическая задача для разрѣшенія которой еще нѣтъ фактическихъ матеріаловъ». — Нѣтъ, г. Суворинъ, это не такъ. Разъ въ человѣкѣ, который видитъ въ поэзіи не забаву только и развлеченіе, съ корнемъ будетъ вырвана вѣра въ честность и искренность поэта, разъ онъ убѣдится, что поэтъ былъ только комедіантомъ и шарлатаномъ, ему представится отвратительнымъ не только образъ поэта, поэзію котораго онъ когда-то увлекался и надъ которою проливалъ искреннія и горячія слезы, но у него явится досада на то, что онъ былъ такъ одураченъ, выбравъ себѣ въ учителя и вожди ни болѣе, ни меньше, какъ репетиловскаго *умнаго плута*, который

Когда о честности высокой говорить—
Какимъ-то демономъ внушаемъ—
Глаза въ крови, лицо горитъ,
Самъ плачетъ, а мы всѣ рываемъ.

Со времени Репетилова много утекло воды и краснобай-шарлатаны съ глазами въ крови, съ пылающимъ лицомъ, слезами не только не производятъ эффекта, какъ въ былыя времена, но сдѣлались явленіемъ пошлымъ. Въ обществѣ народилось очень много людей, которые знаютъ имъ цѣну. Требования честности и искренности становятся въ наше время со дня на день все болѣе и болѣе обязательными не только для поэтовъ, но и для нашего брата, публицистовъ. Если ваша газета, г. Суворинъ, расходится, какъ вы увѣдомляете, въ миллионѣхъ листовъ, если всѣ славянскіе народы, какъ объ этомъ также вы увѣдомляете, шлютъ вамъ благодарственные адреса, то только потому, что они вполне увѣрены въ искренности и честности вашихъ драгонадъ противъ Агарянъ. Получи они такое убѣжденіе, что для васъ все равно: крестъ ли восторжествуетъ надъ луною, луна ли надъ крестомъ, что вы если пишете за торжество креста, то потому только, что это для васъ выгодно, что отъ этого газета раскупается въ миллионѣхъ экземпляровъ—они отвернулись бы отъ васъ. Вся внутренность ихъ перевернулась бы, если бы вы имъ сказали, что ваши статьи о страданіяхъ болгаръ вы пишете подъ вліяніемъ проигрыша въ карты, а статьи о насиліяхъ Турціи, подъ вліяніемъ слезъ ревности къ измѣнницѣ женѣ.

Г. Суворинъ говоритъ, что онъ счелъ бы глупымъ и пошлымъ отвергнуть художественное произведеніе только потому, что оно написано извѣстнымъ шарлатаномъ и вмѣсто него читать Пигая и Ферапонтьева, потому что они искренни и правдивы, къ жизни никогда не стремились, братались съ народомъ за штофомъ вина и спали въ избахъ между телятами и свиньями. Читать Пигая и Ферапонтьева, за неимѣніемъ дѣйствительныхъ поэтовъ, нѣтъ никакой надобности, потому что поэзія не хлѣбъ насущный, безъ нея очень легко обойтись. Но они не заслуживаютъ и того, чтобы относиться къ нимъ съ тѣмъ презрѣніемъ, съ какимъ относится г. Суворинъ. Это во всякомъ слу-

чаѣ люди почтенные и если даютъ немного свѣта, потому что дѣйствуютъ въ очень тѣсномъ кругу, то все-таки распростра-няютъ свѣтъ въ обществѣ, а не помрачаютъ и развращаютъ его смысла, какъ это не рѣдко случается дѣлать людямъ, живущимъ въ роскошныхъ помѣщеніяхъ, пьющимъ заморскія вина и считающимъ своихъ читателей десятками тысячъ. Что касается до того, что многія интеллигентныя лица отвернутся съ презрѣніемъ съ наихудожественнѣйшаго произведенія, написаннаго завѣдомымъ шарлатаномъ, то тутъ я не вижу нисколько ничего ни глупаго, ни пошлаго, а вижу, напротивъ, великую нравствен-ную силу, которая не хочетъ мириться съ компромиссомъ, которая требуетъ, чтобы человѣкъ служилъ идеѣ сердцемъ, а не осквернялъ ея своимъ фиглярствомъ. Г. Суворинъ держится какъ разъ противоположнаго воззрѣнія. По его мнѣнію, поэтъ то же, что актеръ. Разъ онъ имѣетъ настолько большой талантъ, что можетъ живо почувствовать то состояніе, которое изображаетъ и воспроизведеніемъ его сдѣлать сильное впечатлѣніе, его задача исполнена. Г. Суворинъ забываетъ, что съ нравственной точки зрѣнія наискуснѣйшее притворство актера есть его величайшее достоинство, триумфъ, и, напротивъ, наискуснѣйшее притворство поэта-гражданина есть его величайшее преступленіе, позоръ, такъ сказать, прямое его уничтоженіе. Даже въ драматическихъ произведеніяхъ, гдѣ поэтъ долженъ быть также объективенъ, какъ и актеръ, ихъ задачи совершенно различны; актеръ не отвѣчаетъ за нравственную основу пьесы. Онъ останется равно великимъ актеромъ, если умѣетъ живо воспроизводить дѣйствующихъ лицъ, будетъ ли Хлестаковъ, Сквозникъ-Дмухановскій и т. п., изображенъ симпатично или антипатично; но поэтъ, который сталъ бы изображать эти лица въ видѣ общественныхъ идеаловъ, былъ бы преступникомъ передъ обществомъ, омрачителемъ общественнаго смысла, врагомъ общественнаго развитія.

Теперь я долженъ обратиться къ личнымъ объясненіямъ съ г. Суворинымъ. По обычаю «Новаго времени», которое въ полемикѣ не ограничивается одними литературными средствами, а чтобы доканать противника не гнушается ни инсинуаціями на счетъ «измѣны» или «интриги» (такихъ случаевъ было уже много; самый недавній изъ нихъ съ г. Карновичемъ см. его «отвѣтъ»), ни обращеніемъ, подобно гоголевской слесаршѣ, ко всѣмъ роднымъ, даже до тещи вельючительно, и г. Суворинъ обращается въ сферу той специальной литературы, которою я занимался назадъ тому слишкомъ тридцать лѣтъ, когда носилъ стихири, говорилъ проповѣди, когда по моей каедрѣ и по особымъ порученіямъ, занимался разработкою исторіи мѣстныхъ дѣятелей церкви и мѣстныхъ святыхъ—отыскиваетъ тамъ составленное мною жизнеописаніе первыхъ казанскихъ святителей и приходитъ въ восторгъ: вотъ говорить, что онъ писалъ. Но въ особенности нѣтъ мѣры его восторгу, когда онъ передаетъ посвященіе этой книжки казанскому пресвященному, гдѣ я трудъ свой называю ма-

лой лептой моего дѣланія и прошу принять его съ снисхожденіемъ, да ободрится къ большимъ трудамъ недостойнство трудящагося. Г. Суворинъ не только подчеркиваетъ слова: моего дѣланія, и недостойнство трудящагося, но еще и въ особенномъ примѣчаніи считаетъ нужнымъ пояснить, что это подлинныя мои слова. Вотъ дескать до какого сервилизма доходилъ онъ; то ли дескать я, Суворинъ. Г. Суворинъ думаетъ, что ужасно пристыдилъ меня. Напрасно; не только я не стыжусь моихъ прежнихъ трудовъ, а вспоминаю объ нихъ съ удовольствіемъ, насколько не смущаясь приведеннымъ г. Сувориннымъ моимъ посвященіемъ. Во всякомъ словословіи есть принятія въ подобныхъ случаяхъ формы чинопочитанія, но истинный сервилизмъ никогда не скрывается въ такихъ общихъ формахъ; мы поищемъ его гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, но объ этомъ потомъ, а теперь нѣсколько словъ о тѣхъ выводахъ, которые г. Суворинъ дѣлаетъ изъ моихъ прежнихъ трудовъ.

«Я не знаю, говоритъ онъ:—когда г. Елисеевъ былъ искреннимъ человѣкомъ, тогда ли, когда въ немъ кипѣла юношеская кровь и онъ писалъ «малыя лепты», или теперь, когда опыты жизни умудрилъ его и онъ пишетъ внутреннее обозрѣніе; во всякомъ случаѣ, если онъ былъ актеромъ тогда и теперь, то цѣна его произведеніямъ и ихъ вліяніе опредѣляется силой таланта: большой талантъ—большое значеніе, маленькій талантъ—малое и значеніе».

Сфера моей прежней специальной литературной дѣятельности въ существѣ своемъ вовсе не находится въ такомъ противорѣчій съ моею нынѣшнюю литературною дѣятельностью, чтобы нужно было радикальное нравственное измѣненіе для перехода изъ первой въ послѣднюю. Да я думаю, что не много можно указать людей (если только можно даже), которые въ своемъ развитіи не проходили бы фазиса увлеченія религіознымъ міросозерцаніемъ, которое, смотря по средѣ, въ которой они принадлежали, выражалось въ разныхъ соотвѣстныхъ формахъ и дѣятельности, но которое съ теченіемъ времени дѣлалось пройденною ступенію развитія, смѣнялось другимъ міросозерцаніемъ, не сопровождаясь при этомъ никакимъ существеннымъ противорѣчіемъ въ міросозерцаніи нравственнымъ. Точно также съ лѣтами должно было болѣе или менѣе видоизмѣниться мое теоретическое религіозное міросозерцаніе, но нравственное міросозерцаніе осталось тоже самое: тѣ моральныя истины, которымъ я училъ въ проповѣдяхъ, которыя имѣлъ въ виду или излагалъ въ своихъ лекціяхъ студентамъ, которыя проводилъ въ историческихъ трудахъ, тѣже самыя истины я излагаю или имѣю въ виду и въ моихъ внутреннихъ обозрѣніяхъ. Мои внутреннія обозрѣнія никогда не были ни училищемъ для канкана или разврата грубаго (чего никакъ не можетъ сказать о себѣ «Новое Время»), ни училищемъ для разврата общественной мысли (чего также не можетъ сказать о себѣ «Новое Время»), ни училищемъ для растлѣнія юношества (чего также не

можеть сказать о себѣ «Новое Время»). Точно также оба тѣ журнала, въ которыхъ я писалъ, то-есть «Современникъ» и «Отечественныя Записки», во всѣхъ своихъ отдѣлахъ и статьяхъ, держались всегда самаго строгаго нравственнаго принципа, что несомнѣнно составляло ихъ силу.

Изъ этого вы видите, г. Суворинъ, что я не имѣлъ надобности быть актеромъ и не былъ имъ ни въ то время, когда во мнѣ кипѣла юношеская кровь, ни послѣ, когда опытъ жизни умудрилъ меня. А вотъ не лучше ли вамъ, г. Суворинъ, обратиться къ вашей собственной литературной дѣятельности и не на такихъ большихъ стадіяхъ, какъ вы берете мою дѣятельность, а на разстояніи всего послѣднихъ десяти лѣтъ, и уяснить ее, по крайней мѣрѣ, для себя, *во-первыхъ понедѣльно*: въ которыхъ изъ вашихъ «недѣльныхъ очерковъ и картинокъ», которые болѣею частію состоятъ въ прямомъ противорѣчій между собою, вы являетесь актѣромъ и въ которыхъ не актеромъ, а потомъ и *по годамъ*: когда вы были подлиннымъ Суворинымъ—въ то ли время, когда участвовали въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», теперь ли, когда издаете свое «Новое Время» съ откровеннымъ направленіемъ, или въ промежутокъ между «Петербургскими Вѣдомостями» и «Новымъ Временемъ».

Вы выставяете, г. Суворинъ, напоказъ употребляемая мною формы чинопочитанія, выдавая за доказательство моего сервизма. Я уже замѣтилъ выше, что настоящій сервизмъ никогда не является нетолько въ такихъ формахъ, но и въ никакихъ формахъ. Онъ не любитъ формъ, потому что форма обнаружитъ присутствіе его и скомпрометируетъ и его самого и то лицо, къ сердцу котораго онъ ползетъ. Истинный сервизмъ всегда дѣйствуетъ такъ, что куреніе его является неожиданно, сюрпризомъ для того лица, которому оно назначено. Даже и алтарь, съ котораго восходить еніямъ ставится вовсе не передъ тѣмъ лицомъ, для котораго онъ назначенъ, и воздвигается не ради него. Онъ ставится передъ богомъ общей правды, общей пользы и въ честь этого бога и т. д., но на этомъ алтарѣ сожигаются такія спеціи, что тотъ, кому предназначено благовоеніе отъ нихъ, сейчасъ пойметъ, что все это и алтарь, и сожиганіе и спеціи — все это устроено для него одного, что богъ общей правды, общей пользы и т. п. тутъ не причемъ, такъ сказать, грибъ съѣлъ. Очень жаль, что моей аллегоріи я не могу пояснить примѣромъ, потому что могу, пожалуй, кого нибудь обидѣть. Но вѣдь вы, г. Суворинъ, и не нуждаетесь въ такихъ поясненіяхъ. Вы очень хорошо знаете, что образцовъ истиннаго, беззавѣтнаго сервизма, самыхъ совершенныхъ нигдѣ, въ настоящее время, нельзя найти, кромѣ вашихъ статей.

Вы г. Суворинъ, вытаскиваете изъ моихъ литературныхъ трудовъ за тридцать слишкомъ лѣтъ назадъ составленное мною жизнеописаніе первыхъ казанскихъ архіереевъ, людей даже и съ гражданской точки зрѣнія достойныхъ всякаго уваженія, потому что

они для культуры и развитія края сдѣлали болѣе, чѣмъ сколько дѣлали нетолько тогдашніе воеводы, но чѣмъ сколько дѣлаютъ и нынѣшніе генералы. Но подумайте, г. Суворинъ: какихъ ничтожныхъ людей вы не прославляете теперь, въ настоящее время, сегодня, вчера, каждый день? Какихъ гнусностей вы не выдаете за доблести?

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Все имѣетъ свою исторію. Имѣетъ ее и хвастовство: нынѣ люди хвастаютъ не тѣмъ, чѣмъ они хвастали двадцать лѣтъ тому назадъ, а тогда хвастали не тѣмъ, чѣмъ хвастали за двѣсти лѣтъ. Какъ ни мизеренъ кажется на первый взглядъ этотъ предметъ, но онъ заслуживаетъ полнаго вниманія. Исторія хвастовства, еслибы кто-нибудь взялся написать ее добросовѣстно и съ серьезнымъ убѣжденіемъ въ важности тѣмъ, могла бы составить прелюбопытную и преподавательную книгу. Степень умственного и нравственнаго развитія какъ цѣлыхъ обществъ, такъ и отдѣльныхъ личностей, ничѣмъ, можетъ быть, не выражается такъ ярко, какъ предметомъ и характеромъ хвастовства. Дикарь, измѣряющій свое достоинство количествомъ съѣденныхъ или, по крайней мѣрѣ, убитыхъ имъ людей; инквизиторъ, хвастающій числомъ сожженныхъ имъ еретиковъ и вѣдьмъ; купила-помѣщикъ, хвастающій количествомъ истребленныхъ имъ напитковъ; купецъ, хвастающій тѣмъ, что ловко надулъ покупателя, и проч., и проч.—всѣ эти люди рассчитываютъ на одобреніе болѣе или менѣе обширнаго круга людей, и, слѣдовательно въ ихъ хвастовствѣ отражается умственный и нравственный складъ всего этого круга. Дѣло это историческое, то есть постоянно измѣняющееся вмѣстѣ съ общимъ развитіемъ личности и общества. Значитъ, и судить хвастуна можно только съ точки зрѣнія данной ступени развитія. Само по себѣ, хвастовство—не добродѣтель, конечно, не достоинство, но и не богъ знаетъ какой недостатокъ. Смотря по содержанію, характеру и обстановкѣ, хвастовство можетъ быть очень наивнымъ, даже добродушнымъ; можетъ свидѣтельствовать о кое какихъ общественныхъ инстинктахъ, потому что, какъ ни какъ, а хвастунъ дорожитъ уваженіемъ тѣхъ, передъ кѣмъ хвастаетъ; можетъ свидѣтельствовать, наконецъ, иногда даже объ очень тонкомъ умѣ, если расчеты хвастуна оказываются вѣрными. Но точно также оно можетъ свидѣтельствовать и о глупости, и о полной нравственной сухости. Какой-нибудь дикарь, гордо увѣшивающій себя скальпами